

Да здравствуєть
демократическая республіка!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 20

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
ІЮНЬ

Рис. А. Радакова.

РѢЧЬ — ВЪ ТОНѢ СЪ ОБЩИМЪ НАСТРОЕНИЕМЪ.

Министръ новаго призыва: — ...и такъ, дорогіе граждане, главное — самоопредѣляйтесь, организуйтесь и любите папу и маму. Я вѣрю въ вашъ здоровый инстинктъ и любовь къ порядку!..

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 Г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства

отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5³/₄% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по специальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

КАКЪ ОНИ УЪЗЖАЮТЪ.

— Что это за хвостъ?

— А это хвостъ на получение талоновъ, по которымъ получаютъ квитанціи на право стоять въ очереди для получения желѣзнодорожныхъ билетовъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА РЕЛЬСАХЪ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Недавно я писалъ объ одномъ развеселомъ молодомъ человѣкѣ, который пришелъ на Литейный проспектъ, сталъ на рельсы трамвая, и, растопыривъ руки, твердо заявилъ, что онъ ни одного трамвая не пропуститъ.

Я рассказалъ также о томъ, какъ вагоновожатый умолять его пропустить трамвай, какъ публика, послѣ долгихъ просьбъ и увѣщаній, позвала милиціонера и какъ милиціонеръ взывалъ долго и тщетно къ совѣсти и патриотизму развеселаго молодого человѣка...

Рассказалъ я также и о томъ, какъ кто-то изъ публики, разсвирѣпѣвъ, грубо крикнулъ: «Да что вы смотрите на него, милиціонеръ! Схватите за шиворотъ и отбросьте эту гадину прочь!» Рассказалъ я также и о томъ, что милиціонеръ сверкнулъ благородными глазами и съ достоинствомъ отвѣтилъ: «Мы не для того завоевывали свободу и свергли насиліе, чтобы производить насиліе надъ свободными гражданами!»

Все я рассказалъ, кромѣ одного — конца этой удивительной исторіи.

Вѣдь долженъ же быть какой-нибудь конецъ, чортъ возьми!

Ну, вотъ — стоитъ молодой человѣкъ на трамвайномъ пути, растопыривъ руки, разставивъ ноги — стѣбитъ себя и стоитъ. Кругомъ публика, вагоновожатый, милиціонеры — всѣ окружили веселаго молодого человѣка и просятъ, умоляютъ со слезами на глазахъ: «Сойдите съ пути, товарищ! Нехорошо. Несвободно поступаете!»

А онъ стоитъ. Растопыривъ руки и стоитъ.

«Уйдетъ же онъ когда-нибудь», — подумаетъ мой свободный читатель.

Ну, такъ я вамъ расскажу и конецъ этой удивительной исторіи!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ НЕ СОШЕЛЪ СЪ РЕЛЬСЪ.

Это былъ очень длительный, мучительный актъ.

Уже смеркалось...

Пассажиры разошлись, вагоновожатые, скопившихся по всему Литейному, трамваевъ устроили митингъ, на которомъ вынесли формулу жестокаго осужденія веселаго молодого человѣка, а онъ все стоялъ, растопыривъ руки и тупо повторялъ усталымъ голосомъ:

— А я не пушу.

Кругомъ плотной стѣной стояли милиціонеры, поставленные комиссаромъ для защиты молодого человѣка отъ эксцессовъ несознательной толпы.

Къ ночи ноги молодого человѣка затекли, и онъ сѣлъ на рельсы:

— Ъсть хочется, — заявилъ онъ. — Дайте.

Милиціонеры устроили летучій митингъ на тему: «Стоитъ ли кормить молодого человѣка и не лучше ли принудить его голодомъ сойти съ линіи трамвая?»

Резолюція:

«Такъ какъ принужденіе голодомъ — суть насиліе, а насиліе въ свободной странѣ не должно быть, то 1) молодого человѣка накормить, 2) еще разъ разъяснить ему неправильность его дѣйствій и 3) написать письмо въ редакцію пролетарской газеты съ протестомъ противъ тактики молодого человѣка.

Было 8 часовъ утра. Яркое солнце взошло на Литейномъ проспектѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовался мракъ и темнота: молодой человѣкъ продолжалъ сидѣть на рельсахъ.

Свѣжіе пассажиры, не могущіе попасть на Финляндскій вокзалъ, устроили экстренный митингъ, на которомъ и постановили: сообщить о происходящемъ въ И. К. С. Р. и С. Д., а также Вр. Пр.

Былъ долгій споръ: сообщать ли постановленіе въ копіи П. Г. У., но потомъ рѣшили, что П. Г. У. и такъ черезъ милиціонеровъ освѣдомлено обо всемъ.

Густая толпа окружила молодого человѣка; нѣкоторые добровольцы изъ публики тщетно пытались подѣйствовать на умъ и воображеніе молодого человѣка.

— Подумайте, — печально шепталъ на ухо какой-то старикъ. — Что если бы вы ѣхали по срочному дѣлу въ трамвай, а я этакъ бы сталъ на рельсы, да и не пустил васъ... Хорошо бы это было?

Кто-то изъ публики старался повліять на упрямаго молодого человѣка соблазнительными эротическими образами:

— Барышня тутъ одна васъ спрашиваетъ... Красивая такая... Ножки, бедра, губки — одно заглядѣнье. Вотъ за тѣмъ угломъ стоитъ и проситъ васъ подойти. Можете представить, декольте — во.

— Если я ей нуженъ — пусть сюда и придетъ, — стойко возражалъ молодой человѣкъ.

Къ полудню появилась сенсація:

Вр. Пр. осудило поведеніе молодого человѣка, а И. К. С. Р. и С. Д. присоединился къ формулѣ осужденія Вр. Пр.

— А что, — злорадствовали въ толпѣ. — Досидѣлся, голубчикъ? Дождался? Какъ-то ты теперь у насъ повеетись?

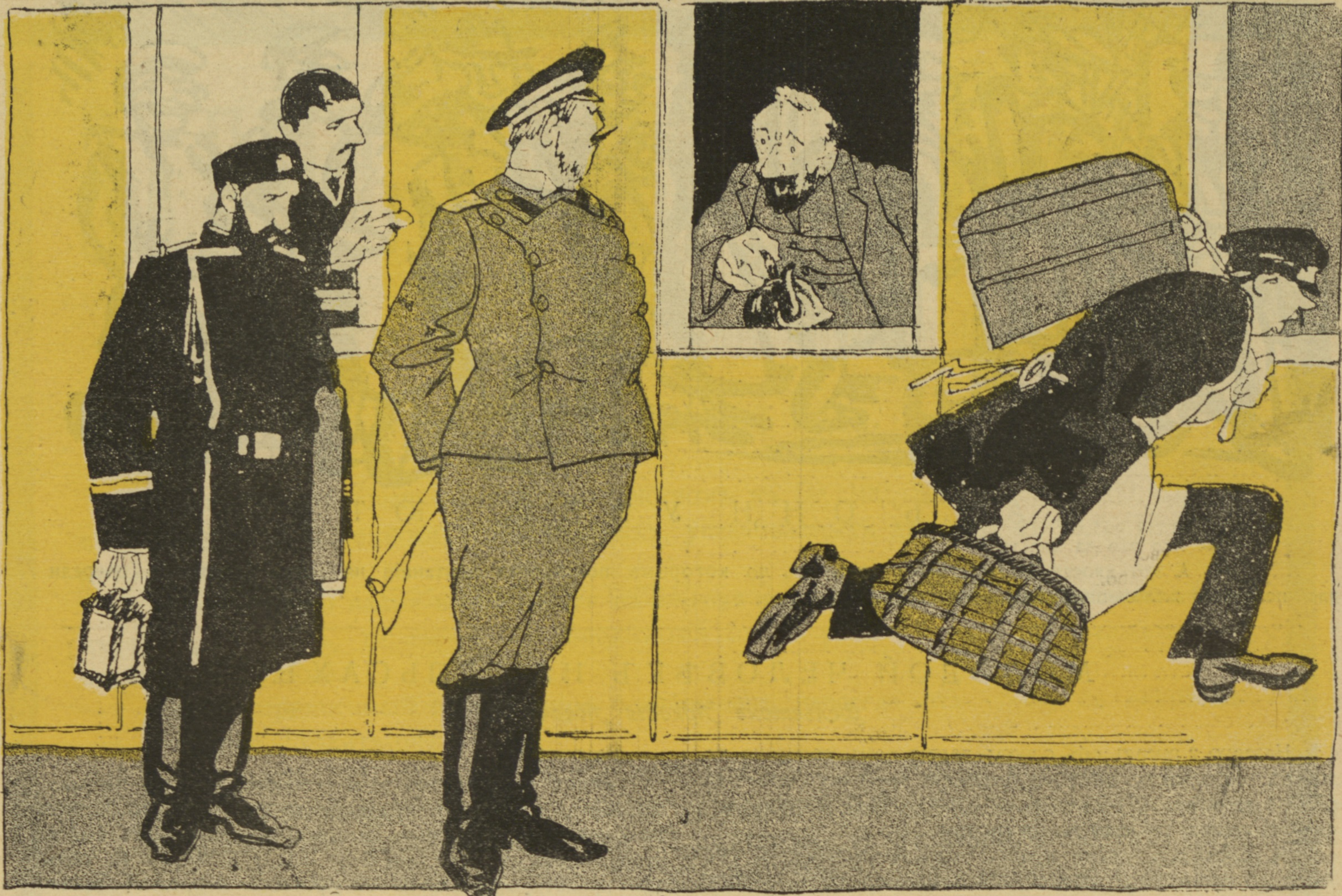
— Товарищъ! — обратился къ молодому человѣку милиціонеръ. — Вр. Пр. и И. К. С. Р. и С. Д. осуждаютъ васъ! Довольно вамъ этого? Сойдите съ рельсъ.

— Не п-пушу! — устало, но твердо сказалъ молодой человѣкъ. — Не хочу, чтобы тутъ трамвай ходилъ.

Снова смеркалось. Въ виду возбужденія несознательной толпы противъ молодого человѣка и ряда угрозъ расправиться самосудомъ, нарядъ милиціи, охранявшей молодого человѣка, былъ увеличенъ.

Къ ночи ждали Керенскаго.

Пассажиръ: — Скажите — это полустанокъ?
— Помилуйте-съ: Новохоперская республика.

На мостовой, около сидящаго молодого человѣка, воздвигли изъ досокъ временную трибуну. Замѣтивъ это, ехидный молодой человѣкъ отползъ шаговъ на сто по рельсамъ внизъ, и трибуну снова пришлось переносить по линіи слѣдованія молодого человѣка.

Прибывшій министръ произнесъ пламенную блестящую рѣчь, указывая на гибельность такихъ поступковъ для дѣла революціи и призывая молодого человѣка къ организаціи. Наскоро организовавшись, молодой человѣкъ свернулся клубочкомъ на рельсахъ и уснулъ.

Восторженная толпа на рукахъ донесла министра до извозчика, а митингъ продолжался до самаго утра: говорили представители рабочихъ Выборгскаго района и делегаціи черноморскихъ моряковъ. Разногласія не было: всѣ осуждали поведеніе молодого человѣка.

И снова взошло солнце, и снова наступилъ день, полный слезъ, горя и отчаянія: молодой человѣкъ все еще сидѣлъ на рельсахъ!..

И вдругъ...

Вы помните, читатель, рассказъ изъ хрестоматіи объ огромномъ камнѣ, лежавшемъ на дорогѣ. Поднять его и увезти было невозможно, а мѣшало снѣ движенію невѣроятно. Были инженеры, предлагавшіе разные проекты удаленія камня, но все это было очень дорого и мало осуществимо. И вотъ вдругъ приходитъ простой рязанскій мужичокъ и говорить:

— За сто рублей уберу камень.

Ахнули всѣ, а мужичокъ вырылъ у камня большую яму, свалилъ его туда, заровнялъ дорогу, а землю вывезъ на пяти возахъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ моемъ правдивомъ рассказѣ объ упрямомъ молодомъ человѣкѣ тоже объявился рязанскій мужичокъ. Шелъ онъ по Литейному, посвистывая, вдругъ, видитъ толпа. «Почему такое собрались?!» Объяснили ему, какъ могли. И ударилъ себя по ногамъ мужичокъ: «Такъ чего жъ тутъ и думать-то?? Нешто нѣту выхода?! Есть выходъ!» Въ ноги упали ему милиціонеры, комиссары и прочая свободная пу-

блика: «Выручи, сѣрый! Вызволи — во вѣки вѣковъ не забудемъ».

— Вотъ вы что сдѣлайте, — сказалъ мужичокъ. — Какая есть улица, чтобы рядомъ была?

— Набережная Фонтанки.

— Ну, вотъ. Постройте вы новый рельсовый путь съ Невскаго, чтобы не на Литейный, а на Фонтанку... А съ Пантелеймоновской можно опять свернуть на Литейный пониже молодого человѣка. Поняли? Обоignite вы его, стервеца, — и чортъ съ нимъ!

И всѣ плакали и лобызали мужика.

— Благодаря вамъ, — сказалъ растроганный министръ на торжествѣ открытія новаго трамвайнаго пути. — Благодаря вамъ — принципъ свободы и неприкосновенности личности въ свободной Россіи не былъ нарушенъ.

Чтобы не подумали, что вся эта исторія выдумка, я даже готовъ назвать имя молодого человѣка. Извольте:

— Иванъ Петровъ.

Аркадій Аверченко.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПОСТЪ.

— Вы, товарищъ, зачѣмъ къ товарищу прокурора?

— Такъ, вообще. Я, товарищъ, товарищъ товарища прокурора.

Д.

ВЪ ТРАМВАѢ.

— А что вы думаете насчетъ мира съ аннексіями?

— Да я что... Мнѣ все равно съ кѣмъ не мириться. Нѣмцы, такъ нѣмцы, аннексія, такъ аннексія...

ВОСЬМИЧАСОВАЯ РАБОТА.

Она: — Какой у вас здоровый вид!.. Вы что же: физическим трудом занимаетесь?
Он: — Так точно: качаю ораторов на митингах!

Рис. В. Л.

НЕБЕСНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Граждане цѣлаго свѣта,
Странъ распутства и странъ благочестія,
Граждане, новая газета:
«Небесныя Извѣстія».

Писали апостолы, ангелы набирали,
А редакторъ — Самъ Саваоѣвъ.
Прочитайте статью о единомъ началѣ
И о концѣ концовъ.

Что было, что будетъ... Мощныя числа
Мірозданія.
Въ этой статьѣ величайшаго смысла
Каждая запятая достойна вниманія.

Прочитайте замѣтку любую:
Какая выразительность, какой слогъ,
И правду видишь какую,
Редакторъ — Богъ.

А хроника — вихрь сообщеній.
Ихъ надо считать квадрильонами:
«Новое солнце». «Гибель планеты». «Родился геній». —
Законы надъ законами.

И о насъ замѣтка. Вотъ посмотрите:
«Съ тысяча девятьсотъ четырнадцатаго по восем-
надцатый годъ

Обычныхъ событій
Ускоренный ходъ.

Граждане цѣлаго свѣта,
Странъ распутства и странъ благочестія.
Граждане, новая газета:
«Небесныя Извѣстія».

Александръ Рославлевъ.

ПОПУЛЯРИЗАЦІЯ.

Писатель Глыбинъ бесѣдовалъ съ издателемъ.

— Другъ мой, — мягко баритонилъ издатель, — беллетристика сейчасъ, сами знаете, «на ватѣ». Не понимаете? Ну, просто, нѣтъ покупателя.

— Нѣтъ покупателя... — уныло повторялъ Глыбинъ.

— Вотъ что, старикъ... Напишите-ка пару популярныхъ брошюръ. Самыхъ что ни на есть наипопулярнѣйшихъ Я затѣялъ народное издательство. Понимаете? Мужичкамъ нужны понятныя книжечки; вы а землѣ черкните, нацарапайте что-нибудь о волѣ, колыпните демократическую республику, пощупайте Учредительное Собраніе... Но предупреждаю васъ, — понятно, просто, безъ мудреныхъ терминовъ, абсолютно простымъ языкомъ. Поняли?

— Понялъ. Авансъ?

— Отчасти.

Вечеромъ того же дня Глыбинъ сѣлъ за работу. Въ первую очередь онъ рѣшилъ написать популярную брошюру по вопросу о націонализациі земли. Глыбинъ писалъ цѣлый вечеръ, перечеркивалъ, бросалъ написанное въ корзину и снова писалъ. Часы уже били полночь, а Глыбинъ написалъ только одну страницу.

— Чертовски трудно безъ иностранныхъ словъ! — пробормоталъ онъ, — чудовищно трудно!

Онъ взялъ страницу и перечелъ:

«Такъ что (зачеркнуто «націонализация») землю значить надо всю взять, что называется, чиркнуть ее, хлястнуть и раздѣлить между всѣми крестьянами. Какъ же раздѣлить? Цапнуть, значить, единымъ духомъ (зачеркнуто

«австрійская система»), раздраконить ее и въ каждое рыло (зачеркнуто «индивидуальное землепользованіе») ткнуть добрую жменю земли. Значить, это, такъ молъ, и такъ, — станетъ всѣмъ хорошо и вольготно. Паши себѣ землю (зачеркнуто «пей водку»), да, паши землю, веселись и танцуй!!

Глыбинъ остался недоволенъ написаннымъ. Чувствуя сильный приступ мигрени, онъ рѣшилъ писать на другую тему: «Что такое федералистическая демократическая республика?» Писалъ часа два и при первыхъ бликахъ наступающей бѣлой ночи внимательно перечелъ написанное:

«Значить, други мои, царя мы этакъ бабахнули и въ кутузку его заткнули. Какъ же теперь безъ царя существовать, и съ какимъ такимъ струментомъ орудовать? Пуцай лучше этакое добро сидитъ за рѣшеткой, а мы, что называется, въ полную будемъ дѣйствовать. Въмѣсто царя, значить, сварганимъ такъ, что каждый своими интересами повелѣвать будетъ и станетъ разлили малина (зачеркнуто «принципъ народнаго суверенитета»). Такъ что, кажинный разъ съѣдутся добрые люди, ну и насчетъ того самаго тары-бары, растабары («десять штукъ — шесть копеекъ»), ну и туды-сюды...»

На этомъ мѣстѣ рукопись обрывалась. Глыбинъ не могъ дальше писать ни одной строки. Выпилъ два стакана холоднаго чая, выкурилъ три папиросы и рѣшилъ снова перемѣнить тему.

— О чемъ же, наконецъ, писать? «Избирательное право»?.. «Солдатъ-празданинъ»?.. «За что мы воюемъ»?..

Послѣ долгаго размышленія Глыбинъ началъ писать о національномъ вопросѣ.

«Ежели, значить, всякая тварь на землѣ — и букашка и слонъ гуляютъ, знамо на то свой интересъ имѣеть и пользу блюдетъ. Ежели же, напримѣръ, одинъ человекъ другого по башкѣ кляпаетъ (зачеркнуто «національный анатагонизмъ»), то значить вся музыка ни къ чорту не годится. Примѣрно, рязанскій мужикъ не взлюбилъ тамбовскаго, не годится. Тоже и насчетъ еврейскихъ человекъ. Они, и ну его чехвостишь по заправку да и приговаривать: «Эхъ ты, такой сякой», и всякія тутъ подробности, — такъ это можно сказать, свинины не хряскаютъ. Слѣдовательно, не бранить ихъ надо, а за руки взять да въ уста сахарныя поцѣловать. Потому, можно сказать, свиней для насъ, христіанъ, остается больше, и окорока дешевле будутъ...»

Глыбинъ схватился за голову и безпомощно оплядѣлся по сторонамъ.

— Кошмаръ! Ужасъ! Безсмыслица! Дикая безсмыслица!..

Онъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку приблизиться къ народному стилю и началъ писать брошюру о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

«Поспалъ ты, значить, восемь часиковъ, сны разные тутъ видѣлъ, будто сидишь ты на книгѣ, а вокругъ тебя солнце на гармоніи играетъ и комаринскую пляшетъ. Вскопчилъ ото сна, плюнулъ на обѣ стороны, рученьки-ноженьки помылъ и айда за работу. Протрубилъ свои восемь часовъ и пошелъ развлекаться. Тутъ тебѣ и чайку попить, тутъ тебѣ на счетъ того, сего (зачеркнуто «устраненіе мальтузіанства»), — словомъ, во все свое удовольствіе и никакихъ березовыхъ...»

Глыбинъ разорвалъ листъ бумаги, отшвырнулъ перо и легъ спать. Ему снились дурные сны. Какіе-то негры и китайцы вынимали клещами его языкъ, рубили на мелкія части и приговаривали: «Такъ, молъ, и такъ, вынь да положь».

Утромъ онъ проснулся болевой и цѣлый день жаловался на нервы и на русскій языкъ!

— Ужасный народный языкъ... Этогъ фольклоръ — прямо каторга... Даромъ только авансъ испортишь...

Бор. Мирскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Легче на поворотах...

На этих днях Максим Горький обмолвился жутким опасением:

Можно и еще много сказать на тему о необходимости немедленной и упорной культурной работы в нашей стране.

Мне кажется, что возглас "Отечество в опасности!" не так страшен, как возглас:

— "Граждане! Культура в опасности!"

В дополнение к этому возгласу официальный орган партии соц.-революц. "Дело Народа" рассказывает о таком собрании большевиков, где

боюсь, что читатель мне не повѣрит, но, честное слово, я слышал, как эти люди совѣмъ в серьезъ говорили:

- 1) О художественномъ Интернационалѣ.
- 2) О немедленномъ захватѣ буржуазнаго искусства в свои руки.
- 3) Объ антивоенной агитации путемъ постановки Аристофановой "Лизистраты".

Что касается Аристофановой "Лизистраты" это еще не такъ опасно. Если бы постановкой "Двое в чужой постели" можно было бы заставить империалистовъ всѣхъ странъ отказаться отъ аннексій, мы бы ничего не имѣли даже противъ этого фарса, но вотъ насчетъ захвата "буржуазнаго" искусства в руки большевистскаго подрайоннаго комитета -- мы не согласны. Искусство это не домъ Кшесинской и тамъ уже не съ милиционерами бороться придется... Что же касается интернационализации искусства, то примѣръ возможности этого уже показалъ недавно какой-то самоѣдскій писатель, который написалъ книгу на бурятскомъ языкѣ, издалъ ее в Болгаріи, а распространялъ в Англии. При такомъ условіи даже каталогъ кустарной выставки выглядитъ юмористическимъ альманахомъ.

Лишнія кавычки.

Если вѣрить "Русской Волѣ", на одномъ изъ митинговъ выступаетъ рабочій заводъ Леснеръ — Голубовскій, представитель новоявленной партии "Караулъ". Вся аудиторія смѣется.
— Какой лозунгъ вашей партии? — кричатъ съ мѣстъ.
— Лозунгъ: "Караулъ", а задачи партии — наводить ужасъ на буржуазію.
(Гомерическій смѣхъ).

Думаемъ, что эта партия нѣсколько запоздала. Петроградскія газеты съ недавняго времени уже успѣшно выполняютъ эту же самую задачу.

Человѣкъ дѣла.

Есть жизнерадостныя, полныя энергіи и бодрости натуры. Вѣ дѣтствѣ они вымазываютъ голову дегтемъ и прилипаютъ къ первой попавшейся собакѣ, вѣ зрѣлыхъ лѣтахъ пользуются случайнымъ пожаромъ только для того, чтобы избить погорѣвшаго домохозяина, а во времена переворотовъ занимаютъ вотъ чѣмъ:

Въ Промзинѣ (Симбирск. губ.) арестованъ солдатъ Петровъ, дезорганизовавшій алатырскій гарнизонъ. Присвоивъ себѣ функціи вершителя судебъ Алатыря, Петровъ смѣнилъ в мѣстномъ гарнизонѣ 25 офицеровъ и командира. Вѣ Промзинѣ Петровъ, между прочимъ, учинилъ скандалъ вѣ церкви. Онъ произнесъ здѣсь рѣчь погромнаго характера, а затѣмъ потребовалъ исполненія "Марсельезы". Присутствовавшіе вѣ церкви отказались, и тогда Петровъ пропѣлъ "Марсельезу" одинъ.

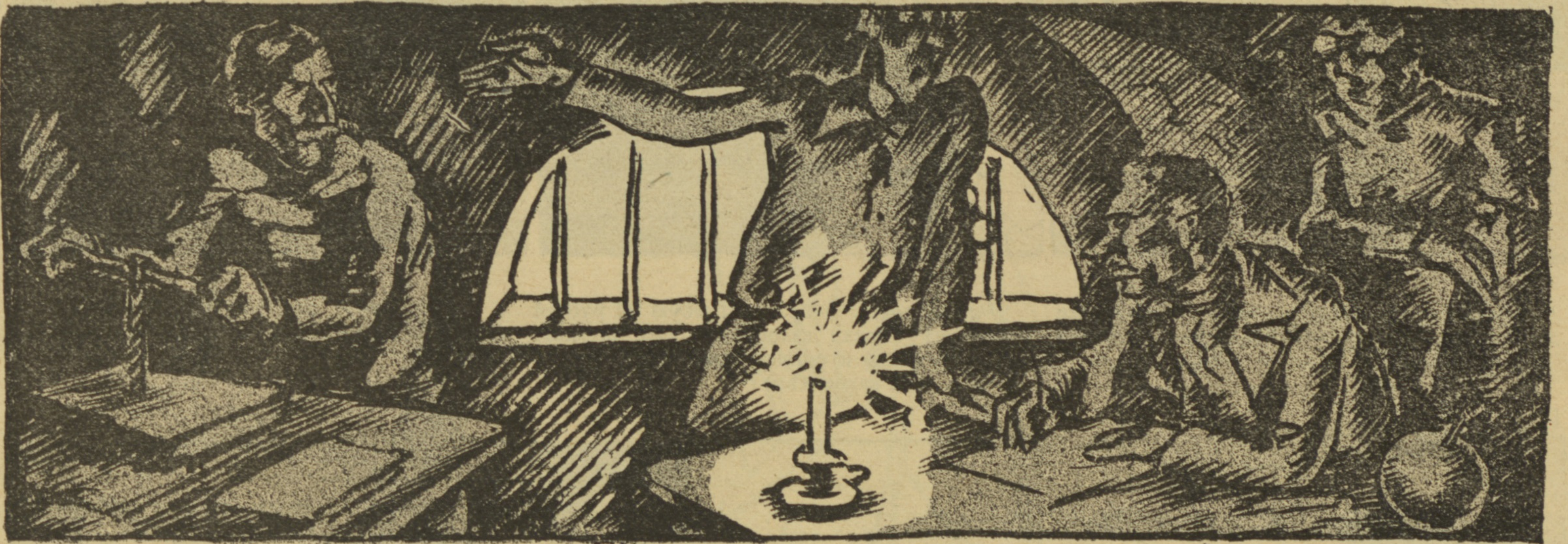
Свѣтскій человѣкъ этотъ Петровъ. Пріятный молодой человѣкъ. На похоронахъ такого весельчака прямо душа отдыхаеть.

Министерское житье.

Встрѣтивъ на улицѣ плачущаго человѣка, не приставайте къ нему съ вопросомъ, почему онъ себя нехорошо чувствуетъ. Онъ можетъ обернуться и коротко отвѣтить:

ПОДПОЛЬЕ.

Рис. И. Радлова.

Прежде.

Теперь.

Рабочий ситцевой фабрики: — Прибавки мнѣ! 10 рублей въ день!
Фабрикантъ: — Но это удорожить стоимость ситца вдвое!
 — А мнѣ какое дѣло!

Рабочий гвоздильного завода: — За этогъто ситецъ, да по два рубля?! Хорошо же — я знаю, что дѣлать!

Рабоч. гвозд. зав.: — Хозяинъ! Требую прибавки! Ситецъ вздорожалъ!
Хозяинъ: — Но прибавка удорожить гвозди!
 — А мнѣ какое дѣло!..

Рабоч. ситц. фабр.: — Какъ? Эти гвозди по полтиннику штука?! О, я знаю, что мнѣ дѣлать

Рабоч. ситц. фабр.: — Требую 20 рублей прибавки! Гвозди вздорожали еще больше!
 — Но тогда и ситецъ вздорожаетъ!
 — А мнѣ какое дѣло?!

Рабоч. гвозд. зав.: — Какъ?! 8 рублей аршинъ ситца?! Ну, я знаю, что мнѣ дѣлать!!

Рабоч. гвозд. зав.: — Хозяинъ! Ситецъ еще больше полѣзъ вверхъ. Требую прибавки! 30 рублей въ день!
 — Но тогда мои гвозди должны стоить...
 — А мнѣ какое дѣло!

— Извозчикъ! Къ Аничкову мосту.
 — Пожалуйста: 200 рубликовъ...
 — Съума ты сошелъ?!
 — Ничего не съ ума: разъ гвоздь стоитъ 3 рубля, а ситцевая рубашка 40 рублей — такъ мнѣ какъ же?

И погрузились всѣ трое въ глубокое недоумѣніе и размышленіе:
 — Въ чемъ же тутъ дѣло? Какая-токая причина?..
 А такъ просто...

ВНѢПАРТІЙНОСТЬ.

Гражданинъ: — Дай-ка, малый, газеточку.

Газетчикъ: — Какую прикажете? Пролетарскую? Буржуазную?

— Да мнѣ все равно. Калосшка одна спадаетъ — подложить чегонибудь надо...

АНАРХИСТЫ.

- А я еще лѣвѣе тебя!!.
- Почему?
- У меня однимъ револьверомъ больше!

— Оставьте меня. Я министр.

И вамъ сдѣлается стыдно за вашъ глупый вопросъ. Ибо министру въ наше время есть отъ чего заплакать.

Въ Москвѣ на одинъ изъ митинговъ протеста противъ смертнаго приговора надъ Адлеромъ на Ходынку пріѣхалъ И. Г. Церетели. При появленіи Церетели председатель митинга предложилъ его привѣтствовать. Раздались во гласы:

— Пусть раньше говорить, — тогда узнаемъ, надо ли его привѣтствовать.

Церетели хотѣлъ говорить внѣ очереди, но изъ публики послышались протесты:

Г. Церетели такой же гражданинъ, какъ и всѣ присутствующіе и можетъ записаться въ число ораторовъ.

Пондобилось минутъ 20, пока очередь дошла до Церетели.

Церетели долженъ былъ бы отказаться отъ слова въ категорической формѣ:

— Спасибо. Я уже сказалъ.

— Когда? Что?

— А я мысленно сказалъ: стоитъ ли говорить передъ идиотами?

Все равно.

Еще республиканцы.

По сообщенію газетъ, германцами въ Нью-Йоркѣ создана организація подъ названіемъ „Друзья германской республики“, охватывающая всю территорию Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Организація провозглашаетъ своею цѣлью низложеніе императора Вильгельма и установленіе въ Германіи республиканскаго строя.

— Ничего, какъ-нибудь уживемся — весело улыбнется Вильгельмъ — и въ республикѣ царствовать можно.

НЕЗАМѢТНЫЙ ГЕРОЙ.

Есть сейчасъ цѣлая категория людей, которые не принимаютъ особенно широкаго участія въ верхахъ общественной жизни, но несутъ на себѣ всѣ тяжести новаго строя. Это домовые уполномоченные.

Когда-нибудь историкъ русской революціи отмѣтитъ ихъ отвѣтственную и почетную работу, а пока пусть слабая моя рука очертитъ жизнь этихъ незамѣтныхъ героическихъ труженниковъ.

Попадаютъ въ домовые уполномоченные по неосторожности.

Къ разсѣянному квартиранту, поднимающемуся по лѣстницѣ къ себѣ на квартиру въ седьмой этажъ, внезапно подходитъ швейцаръ и строго сообщаетъ:

— Васъ, господинъ, въ двѣнадцатый номеръ требуютъ.

— А зачѣмъ?

— Всѣхъ требуютъ.

Во время переворота въ странѣ это аргументъ довольно сильный, и неосторожный квартирантъ идетъ въ двѣнадцатый номеръ, гдѣ собраніе уже въ полномъ разгарѣ: всѣ молчатъ, а одинъ изъ жильцовъ судорожно смотритъ на часы и умоляетъ ласковымъ взглядомъ, чтобы кто-нибудь попросилъ слова.

— Господа, — неувѣренно сообщаетъ председатель, — намъ нуженъ домовый уполномоченный. Это, конечно, жуткое явленіе, но это — такъ.

Находчивые люди изъ квартирантовъ, на кого можетъ пасть выборъ, выпутываются изъ опасности сравнительно легко.

— Господа, — беретъ слово одинъ изъ нихъ, — изъ меня могъ бы выйти прекрасный домовый уполномоченный. Несмотря на то, что я инженеръ, меня съ дѣтства влекло именно къ этому, но увы... Я встаю въ семь часовъ и ухожу изъ дома...

Отъ издательства:

Готовится къ печати

≡ „ЭШАФОТЪ“ ≡

Органъ памфлетовъ.

Редакторъ: Петръ Пильскій.

— Мы всё уходимъ, — глухо волнуются квартиранты, — всё...

— Да, но вы приходите, — рыдающимъ голосомъ бросаетъ находчивый человекъ, — а я... Я иногда застрѣваю на службѣ по четверо сутокъ... Конечно, я могу быть домовымъ уполномоченнымъ, но именно того дома, гдѣ я провожу все свое время...

Слѣдующій оправдывается тѣмъ, что у него больная жена, и ему, въ случаѣ, если выборъ падетъ на него, придется выкинуть умирающую женщину на улицу. Другой сознается, что онъ дезертиръ, страдаетъ падучей и не ручается за свои нервы, если его выберутъ.

Послѣ шести-семи такихъ объясненій, всё сразу выбираютъ человека неосторожнаго.

— Господа, — съ дикимъ ужасомъ въ голосъ начинаетъ онъ, — конечно, я очень благода...

— Просимъ, просимъ, — съ чувствомъ глубокаго энтузиазма, откликаются вывернувшіеся изъ опасности, — просимъ, гражданинъ Михальчукъ...

— Я, Степановъ, — горькой обидой вырывается у выбраннаго.

— Степановъ? Неужели? Просимъ, просимъ...

Съ этого момента темные щупальцы несчастья опускаются на душу неосторожнаго человека, а его хрупкій организмъ безжалостно бросается въ водоворотъ невѣдомыхъ событий.

* * *

Легче въ хорошо организованномъ демократическомъ государствѣ высчитать, сколько въ немъ незаконнорожденныхъ, чѣмъ выяснить количество жильцовъ въ обыкновенномъ петроградскомъ домѣ, когда за это берется неопытный человекъ.

Населеніе каждой квартиры при первомъ же опросѣ о количествѣ населяющихъ ее и ихъ фамиліяхъ, сразу начинаетъ относиться недовѣрчиво.

— Опять за электричество деньги?

— Да, нѣтъ это для списковъ. У васъ сколько...

— Ну, предположимъ семь. Фамиліи? Лучше бы кранъ въ ванной починили, чѣмъ фамиліи-то спрашивать...

— Это, видите ли, нужно для хлѣбныхъ карточекъ.

— Такъ бы и говорили. Пишите: 11.

— Вы же сказали — семь...

— Ну, сказала... Что же вы придираетесь-то? Теперь полиціи нѣтъ, свобода печати, а вы по старорежимному...

Ночью уполномоченный начинаетъ провѣрять списокъ. Наиболѣе смысленные квартиранты, предчувствуя получение хлѣбныхъ карточекъ, вписываютъ въ число живущихъ рѣшительно всѣхъ, кто только переступилъ когда-либо порогъ ихъ квартиры. Послѣ подробнаго перечисленія всѣхъ квартирантовъ, давно умершихъ родственниковъ, идутъ явно непробывающія лица, потому, что послѣ фамиліи Хучаковъ и помѣтки, — монтеръ, стоитъ — Марья Егоровна, холостъ. На одномъ листѣ даже помѣчено: кошка Авдотья, потомъ перечеркнуто и стоитъ лаконически: трое домашнихъ животныхъ.

Результаты получаются неожиданные. Оказывается, что домъ, очевидно, предназначенъ подъ дешевую ночлежку: въ 45 квартирахъ около двухъ тысячъ жителей.

Послѣ бессонной ночи уполномоченный зоветъ дворника и проситъ его провѣрить:

— Скажите, что молъ для комиссаріата нужно и чтобы не вралі.

Населеніе дома сразу пугается, куда-то исчезаетъ, и получается впечатлѣніе, что весь домъ на одинъ день превратился въ сиротскій пріютъ: въ сорока пяти квартирахъ можно, по спискамъ, едва насчитать тридцать семь человекъ, изъ которыхъ двадцать четыре не достигаютъ семилѣтняго возраста.

Черезъ два дня послѣ раздачи хлѣбныхъ карточекъ, толпы людей, изъ которыхъ добрая половина живетъ на другомъ концѣ города, волнуются у дверей квартиры уполномоченнаго и требуютъ немедленнаго удовлетворенія продовольственнаго кризиса.

— Гдѣ моя карточка?

— А вы изъ какого номера?

— Изъ семнадцатаго. Акимъ Сергѣевичъ Пыринъ.

— Здѣсь въ спискахъ Пырина нѣтъ. Есть Исуковъ, Харявина, Тилякова...

— Тилякова? Это и есть. Анна Гавриловна?

— Именно.

— Я и есть. Это они по ошибкѣ.

— Позвольте...

— Нѣтъ, это вы позвольте! Что же вы квартирантскія карточки задерживать будете... Я не посмотрю, что теперь свобода да аннексіи разныя, это ужъ вы извините...

* * *

Рис. В. Л.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА.

— Никакъ не разберешь: то ли два милиціонера ведутъ одного пьянаго въ комиссаріатъ, то ли одинъ пьяный поймалъ и ведетъ двухъ милиціонеровъ?

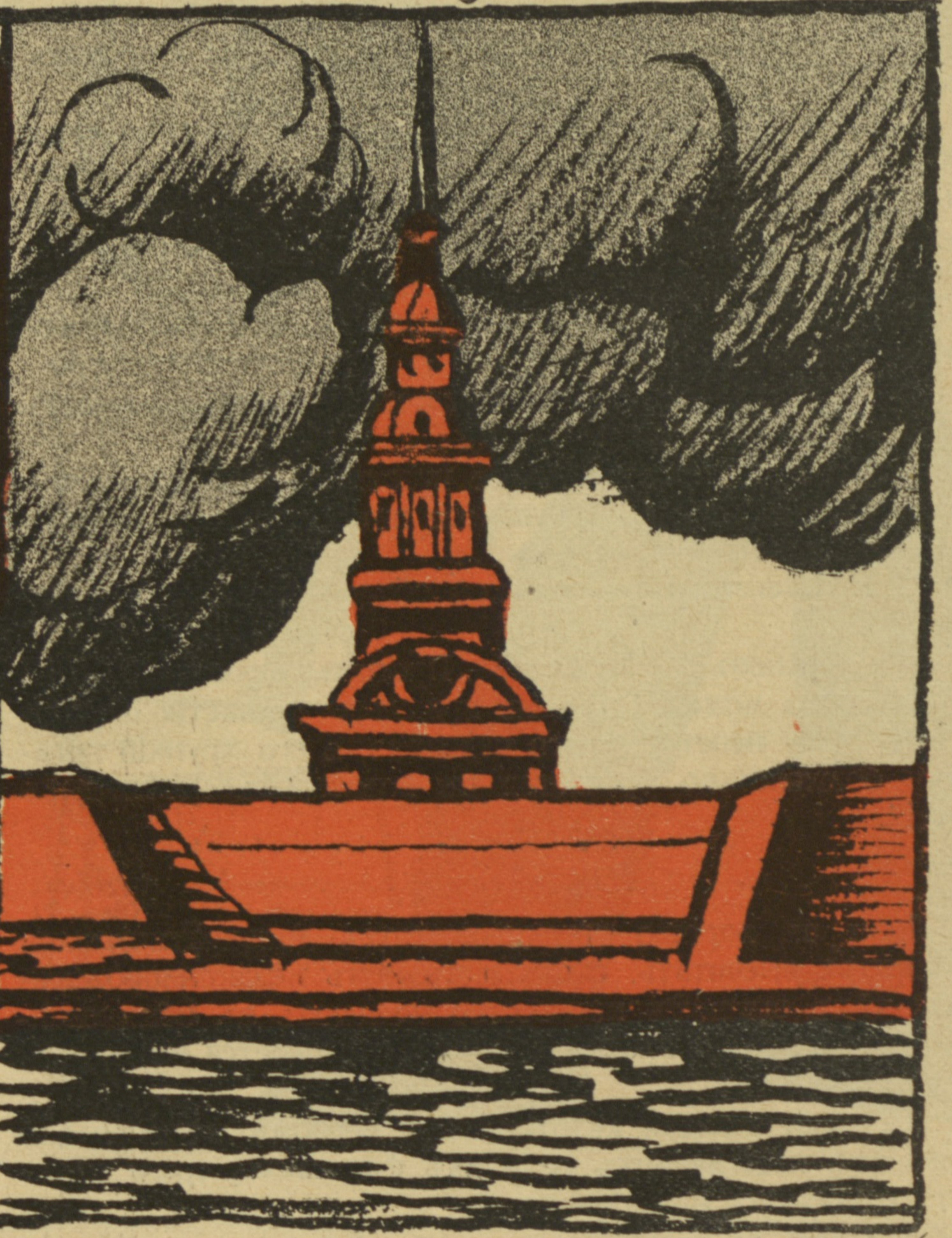

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ РЕСПУБЛИКАНСКИМЪ ИЗДАНИЯМЪ КЛАССИКОВЪ.

Рис. А. Родъ ва.

„Сколько челоѣку земли нужно“.

„Дворянское гнѣздо“.

„Горе отъ ума“.

„Бахчисарайскій фонтанъ“.

Мало-по-малу, кругъ вѣдений домового уполномоченнаго начинается расширяться. Онъ уже выдаетъ записки на спиртъ, собираетъ листки о подоходномъ налогѣ, составляетъ списки избирателей въ районныя думы и начинаетъ забывать о прежней жизни.

Новыя обязанности всецѣло заполняютъ его досугъ, который пришелъ послѣ невозможности посѣщать прежнюю службу.

— Это вы выдаете для дѣтей молоко?

— Это въ молочной, сударыня.

— Тамъ не выдаютъ. Говорятъ, что молочная уже два мѣсяца какъ закрыта. Выдайте молочную карточку. Вы обязаны.

— Сударыня, но молочныхъ карточекъ... Что же вы волнуетесь?

— Да, развѣ легко матери, когда ея дѣти...

— Захватите вашихъ малютокъ и отнесите ихъ въ...

— У меня одинъ служитъ въ банкѣ, а другой вольноопредѣляющійся. Я не могу ихъ никуда разносить...

— Сударыня, но...

— Ну да, конечно. Кому не лестно припрятать общественныя карточки и самому...

* * *

Ночью, слегка украсивъ себя розовымъ капотомъ, приходитъ другая дама.

— Я къ вамъ, какъ къ домовому уполномоченному. Приходитъ сейчасъ Сергѣй Петровичъ, совершенно пьяный, въ карманѣ у него вѣреть и, зная, что моего мужа нѣтъ дома...

Протирая глаза и горько вздыхая, уполномоченный вытаскиваетъ изъ письменнаго стола списки домовыхъ жильцовъ.

— Изъ какого вы номера?

— Двадцать третьяго.

— Сергѣй Петровичъ... Сергѣй Петровичъ... Здѣсь такого нѣтъ. Я не могу выдать карточку... Скажите, чтобы зашелъ завтра утромъ...

Дама смотритъ на него удивленными глазами, потомъ вздыхаетъ и начинаетъ снова:

— Я къ вамъ, какъ къ домовому уполномоченному. На чемъ это я остановилась? Ахъ, да... Врывается ко мнѣ въ будуаръ, хватается меня за руки и начинаетъ кричать, что я разбила ему жизнь...

— Вы требуете милицію, сударыня? — уныло спрашиваетъ уполномоченный.

— Зачѣмъ-же... Можетъ быть, вы сами...

* * *

Во время обѣда приходитъ грузный мужчина и долго бьетъ кулакомъ по столу въ прихожей.

— Это что же-съ? Сегодня одни условія, завтра другія? Да? Такъ я говорю, господинъ домовый?

— Въ чемъ дѣло? — успокаивая испуганную семью, выбѣгаетъ уполномоченный.

— Я васъ спрашиваю, имѣетъ онъ право? Сейчасъ я плачу восемьдесятъ съ дровами, а осенью сто десять безъ дровъ платить буду? Да?

— Это же домохозяинъ...

— Обуздайте. Можетъ, у меня тоже домъ есть, а только нарочно въ квартирѣ живу... Прошло ваше царство, будеть, голубчики... Не позволю за горло себя хватать...

— Я же домовый уполномоченный...

— Ну да, знаю. Жалованье отъ хозяина получаете, а съ квартирантовъ шкуру дерете?

Когда онъ уходитъ, уполномоченный долго сидитъ на диванѣ, мнетъ старый окурскъ и, не спуская плазъ съ Льва Толстого, висящаго на стѣнѣ, горько шепчетъ:

— За что? За что?

* * *

— Баричъ! васъ сегодня бить хотѣли. Спасибо, старшій дворникъ уговорилъ.

— Кто, Дуняша?

— Прачки. Онъ, говорятъ, наши сахарныя сожралъ, а теперь хлѣбныя дожиралъ. Пусть псавится карточками, а морду утюгами ему нахлопаемъ, — это вамъ-то. Карточки имъ не дали, — вотъ онъ и обижаются.

— Онъ же не здѣсь живетъ. Сюда только приходятъ.

— Это, говорятъ, мы безъ него знаемъ, а только не его дѣло, гдѣ кто живетъ. Пусть лучше за собой смотритъ.

— Вы хоть имъ объяснили, Дуняша?

— Объяснила.

— А онъ что?

— Смѣются. Все равно, говорятъ, скандалъ устроимъ. Не будетъ онъ жить въ этомъ домѣ...

О томъ, что избирательные бюллетени будутъ раздаваться въ теченіе трехъ дней, отъ восьми до шести, населеніе оповѣщается за недѣлю раньше. Въ назначенный день приходятъ только двое за разрѣшеніемъ на спиртъ, при чемъ оказывается, что это одинъ и тотъ же пріятель швейцара изъ сосѣдней гостиницы, но подъ разными фамиліями.

Изъ квартирантовъ приходитъ только комнатный жилецъ, который долго разсматриваетъ бюллетени и сокрушенно замѣчаетъ:

— Въ Швейцаріи лучше. Тамъ не въ районныя думы, а прямо въ Учредительное Собраніе. А у насъ что — анархія...

Забѣгаетъ горничная снизу, попросить, нельзя ли получить нѣсколько бюллетеней для отсылки ея жениху въ дѣйствующую армію.

— Онъ этимъ страсть какъ антиресуется.

Ночью уполномоченному снятся тяжелые сны, что въ райснную думу прошелъ покойный Столыпинъ, и онъ въ этомъ виноватъ, потому, что никто изъ жильцовъ не взялъ бюллетеней. Просыпаясь рано утромъ, ходитъ неумытый по комнатамъ. Потомъ достаетъ старый семейный альбомъ, смотритъ на свою карточку, гдѣ онъ снятъ маленькимъ гимназистомъ, и тихонько плачетъ...

Арк. Буховъ.

ПИСЬМО КЪ ГИМНАЗИСТКАМЪ.

Много... много солнечной ласки
Принесла на землю Свобода.
Новыя пѣсни!.. Новыя сказки!..
И можетъ быть васъ не будетъ,
Такихъ безправныхъ и милыхъ —
Мое сердце отдыхать будетъ
На нѣжныхъ весеннихъ могилахъ,
На могилахъ, сегодня отнявшихъ
Мои бѣлыя грезы о счастье,
Мои сладкія слезы... участие...
Мою грустную пѣсню распявшихъ.
И роптать на судьбу я не смѣю,
Вѣдь она окропила всю землю
Волшебной росой своею...
Ея глаголомъ я внемлю.

Гражданки, въ жизни идите побѣднѣй,
Ваше право «стать равными» близко
И, можетъ быть, это стихи послѣдніе,
Гдѣ есть грустное слово — «гимназистка».

Сергѣй Михѣевъ.

ВАЛЮТА.

— У васъ есть какіе-нибудь денежные знаки?
— Денежные знаки? Есть. Одинъ подъ глазомъ, другой на затылкѣ.
— Почему же это — денежные?
— А я за нихъ по пять цѣлковыхъ получаю.

Рис. Миссъ.

Шли эсдеки цѣлой партіей на митингъ. По дорогѣ возникли партійные споры, всѣ стали раскалываться... И когда пришли на мѣсто...

... То — всякій уже былъ самъ себѣ партія и говорилъ отдѣльно, разнося своихъ противниковъ!
Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа.

СЛУЧАЙ СЪ ЛОРДОМЪ.

Таялъ на лондонскомъ небѣ
Дыма безформенный клубъ.
Лордъ въ комфортабельномъ кэбѣ
Ѣхалъ въ наскучившій клубъ.
Прячась за паркомъ Репента,
Томно скучала луна.
Влажная лента цемента
Мчалась въ квадратѣ юкна.
Нѣжась въ сырѣющемъ пледѣ,
Боленъ подагрой и гордъ,
Думалъ о странностяхъ леди
Скучно старѣющей лордъ.
Думалъ: «Кого ни спросите,
Насъ не желаютъ и знать, —
Скоро конторщикъ изъ Сити
Будетъ третировать знать!»
Злился: «Во власти ль Господней
Дерзость плебейскихъ Аттилъ?
Лучше бь ужъ мракъ преисподней
Лондонъ совсѣмъ поплотилъ!
Леди и ледину кошку,
Клубы, парламентъ, долги» ...
Вдругъ, прислонившись къ окошку,
Лордъ не увидѣлъ ни зги.
Сумракъ... туманная гущи...
Лордъ приближаетъ лорнетъ.
— Внялъ болтовнѣ Всемогущій,
Древняго Лондона нѣтъ!
Вотъ за невѣрье расплата...»
Лордъ протираетъ лорнетъ:
Здѣсь вотъ стояла палата —
Ужасъ: парламента нѣтъ.
Лордъ въ непритворномъ испугѣ,
Лордъ — воплощенная жуть:
Гдѣ же теперь на досугѣ
Нравы рупнуть и вздремнуть?
Лордъ содрогается въ пледѣ.
Горю поможешь дрожа ль?
Даже капризную леди
Лорду мучительно жаль.
Шутка ль! По милости неба,
Ужасъ подобный не частъ.
Въ глубь мягкостѣннаго кэба
Лордъ упадаетъ, какъ пласть.
Просится въ рай, умирая...
Вдругъ сквозь фабричную гарь
Лордъ... предъ воротами рая
Клубный замѣтилъ фонарь!
Спазма блаженнаго вздоха...

Зубомъ стучащій о зубъ,
Вновь опасаясь подвоха,
Лордъ поднимается въ клубъ.
Медлитъ надъ каждой ступеню,
Дружески щупаетъ стулъ.
Лордъ, не довѣрившись зрѣнью,
Тучную Кэтъ ущипнулъ.
Въ клубѣ забили тревогу:
Блѣденъ, какъ бѣлый фаянсъ,
Лордъ отказался отъ грогу,
Лордъ не сыгралъ въ преферансъ.
— Лордъ, вы желтѣй, чѣмъ пергаментъ,
Клубъ вамъ впервые не милъ?
— Вздоръ! Многословный парламентъ
Нервы мои утомилъ.
— Полно... въ парламентѣ ль дѣло?
Клубъ нашъ, поймите, не слѣпъ.
Лордъ возражаетъ не смѣло:
— Вздоръ... Опрокинулся кэбъ!
Смолкъ. Недовѣрья гримаса.
Склоненъ къ молчанью и гордъ,
Ужасъ минувшаго часа
Скрасилъ изъ гордости лордъ.
Что это? Быль или небыль,
Лондонскій мутный туманъ?
Право жъ, я въ Лондонѣ не былъ, —
Лучше спросить англичанъ!

Эммануиль Германъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ФРАЗЫ.

— Вы куда сейчасъ?
— Да на митингъ побѣды. Все равно въ клубъ еще рано.

Бухгалтеръ послѣ сокрушеннаго смакованія вечерней газеты, съ укоромъ въ голосъ, обращается къ женѣ:
— Вотъ, ты на дачу хочешь ѣхать, квартиру оставляешь пустой, а въ газетахъ пишутъ, что черезъ три дня извѣстный анархистъ Кропоткинъ пріѣзжаетъ.

Послѣ спектакля, человекъ изъ партера, которому смѣнили вѣщальщички шляпу, хмуро говоритъ случайному сосѣду:

— Революція... Сначала смертную казнь отмѣнили, а потомъ и пошло... Взять хоть бы между прочимъ этотъ случай: пришелъ сюда въ котелкѣ, а ухожу чортъ знаетъ... Ну, знаете, чепо-чего, а смертную казнь, это извините...

Лысый съ большимъ животомъ архитекторъ жалуется на изжогу и чрезмѣрныя требованія рабочихъ. Потомъ высываается въ окно, видитъ проходящую маршевую роту и съ вnezапнымъ волненіемъ говорить:

— Видишь? Идутъ. Это мы ихъ наголосовали за послѣднюю недѣлю.

За чайнымъ столомъ кадетъ бьетъ себя въ грудь и, отвернувшись отъ хозяина меньшевика, обиженно говоритъ:

— Ну, да быть можетъ, насъ и не много будетъ въ Учредительномъ Собраніи, но зато какая масса изъ насъ прошла въ домовые уполномоченные...

На митингъ-концертѣ господинъ въ фракъ наклоняется къ другому:

— У меня кое-какой непорядокъ въ туалетѣ. Дайте мнѣ булавку...

— Какую?

— Нашихъ доблестныхъ союзниковъ. Простая у меня есть.

Изъ письма въ провинцію.

— Какъ я слышалъ, у васъ тамъ то же анархія. По крайней мѣрѣ Его Превосходительство писалъ мнѣ, что дворники называютъ его прямо: Андрей Петровичъ...

Изъ исповѣди дяди передъ двумя племянниками-студентами.

— Нѣтъ, я тоже вообще сочувствую. Вѣдь я по происхожденію демократъ, а по работѣ — тотъ же пролетарій.

Нуждаться, конечно, не приходилось потому что папаша мой, а вашъ дѣдушка, оставилъ мнѣ на полтора милліона недвижимаго...

Въбѣшенный частный повѣренный говоритъ кому-то совершенно незнакомому, поднимаясь съ нимъ на лифтѣ:

— Нѣтъ, вотъ вы говорите, — демократія! Нанимаю сейчасъ извозчика съ вокзала, а онъ проситъ восемь рублей! И такой человекъ можетъ быть будетъ министромъ иностранныхъ дѣлъ!

Арк. Б.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Провинція.

Кисловодскъ. — Сестрѣ Симѣ. — Вашъ леденящій душу вопросъ: „Почему Аркадій Аверченко такъ плохо выходитъ на фотографіяхъ?“ — убиваетъ и его самого же. Положеніе отчаянное. Опасаются за жизнь.

Больше никакихъ запросовъ не будетъ?

Павловскъ. — Егору Саблину. — „Я хотѣлъ бы плюнуть на ленинцевъ, да слюны жалко“.

Эта гражданская экономія слюны дѣлаетъ вамъ честь, но не нужно распространять ее и на почтовую марку. Почему не наклеили?

Стихи о „пломбированномъ провокаторѣ“ такъ слабы, что не могутъ держаться на ногахъ.

Мы приняли ихъ послѣдній вздохъ и похоронили.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Полезныя руководства.

1) Какъ поступить въ школу прапорщиковъ? Ц. 80 к. 2) Какъ сдѣлаться шоферомъ-автомобилистомъ? Ц. 60 к. 3) Какъ сдѣлаться мотоциклистомъ? Ц. 60 к. 4) Какъ сдѣлаться бухгалтеромъ? Ц. 50 к. 5) Какъ поступить въ милицію? Ц. 50 к. 6) Какъ сдѣлаться техникомъ-строителемъ? Ц. 85 к. 7) Какъ сдѣлаться техникомъ путей сообщенія? Ц. 75 к. 8) Полный курсъ электротехники—6 р. 90 к. 9) Энциклопедическій словарь въ одномъ томѣ. Ц. 6 р. 50 к. Наложен. платеж. не высылаются.

Адресъ: Москва, Б. Гнѣздииковскій, 10, издательству Д. М. Куманова.

Изучайте языки!

Это полезно, даетъ вѣрный кусокъ хлѣба, а изучить очень легко.

Самоучители итальянскаго и польскаго языковъ—2 р. 25 к. каждый, нѣмецк., франц., англ. и латинскій по 1 р. 75 к. каждый, финскій, шведск., татарск., персидск., турецк., норвежск., сербск., чешск., и испанскій по 1 р. 45 к. каждый. Адр.: Москва, Б. Гнѣздииковскій, 10, изд-ству Д. М. Куманова. Нал. пл. не выс.

Новые выпуски дешевой юмористической библиотеки „Новаго Сатирикона“.

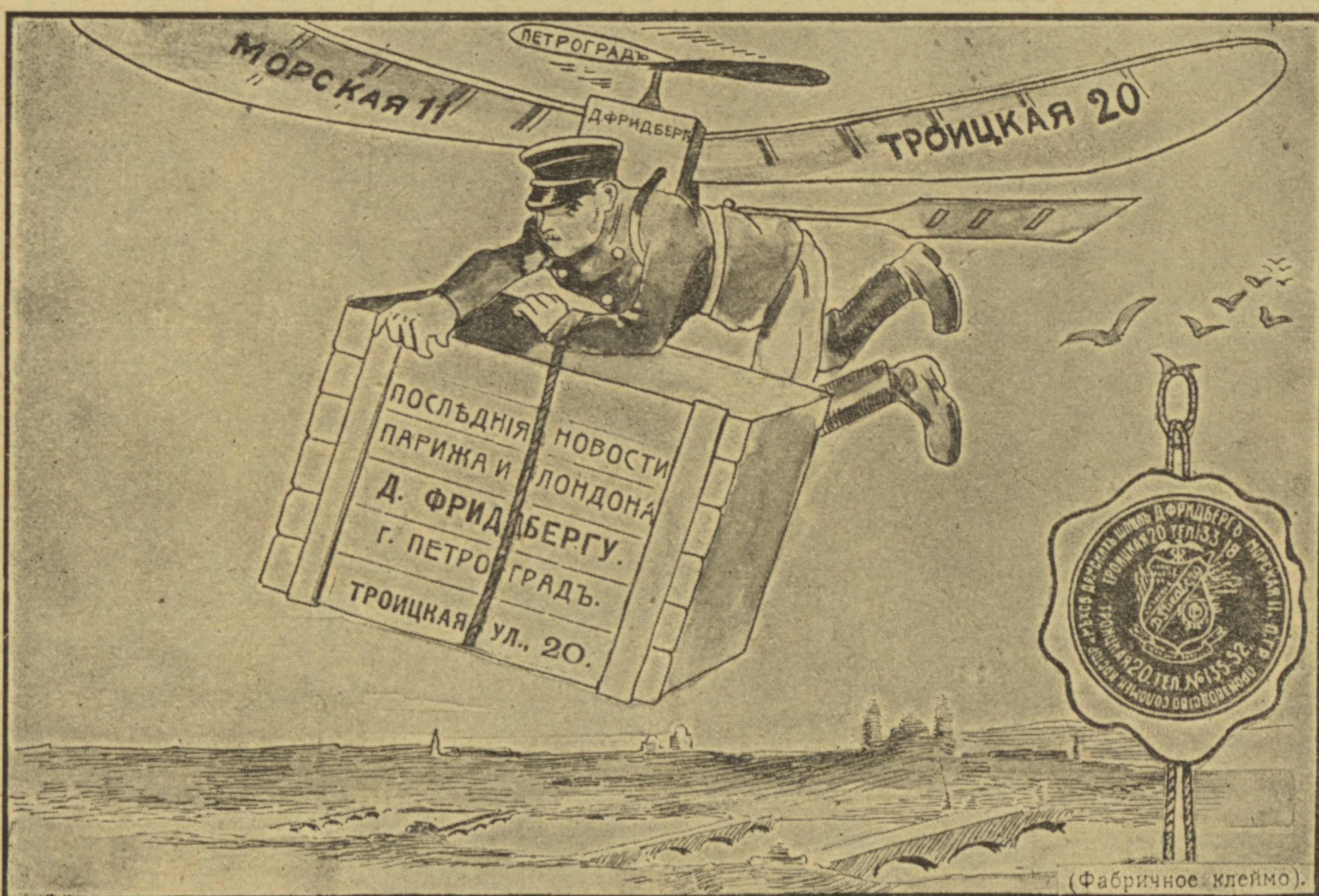
Аркадій Аверченко
Позолоченныя пилюли.

Тэффи.
Житье-бытье.

Вл. Азовъ.
Шипы безъ розъ.

Арк. Буховъ.
Точка зрѣнія.

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

М. Г.

Настоящимъ честь имѣю извѣстить Васъ, что къ лѣтнему сезону сего текущаго года послѣднія модели, изготовленныя въ лучшихъ домахъ Парижа и Лондона, уже привезены и мною скопированы въ разнообразнѣйшихъ модныхъ матеріалахъ

2-я серія такихъ шляпъ уже поступила въ продажу. Съ совершеннымъ почтеніемъ

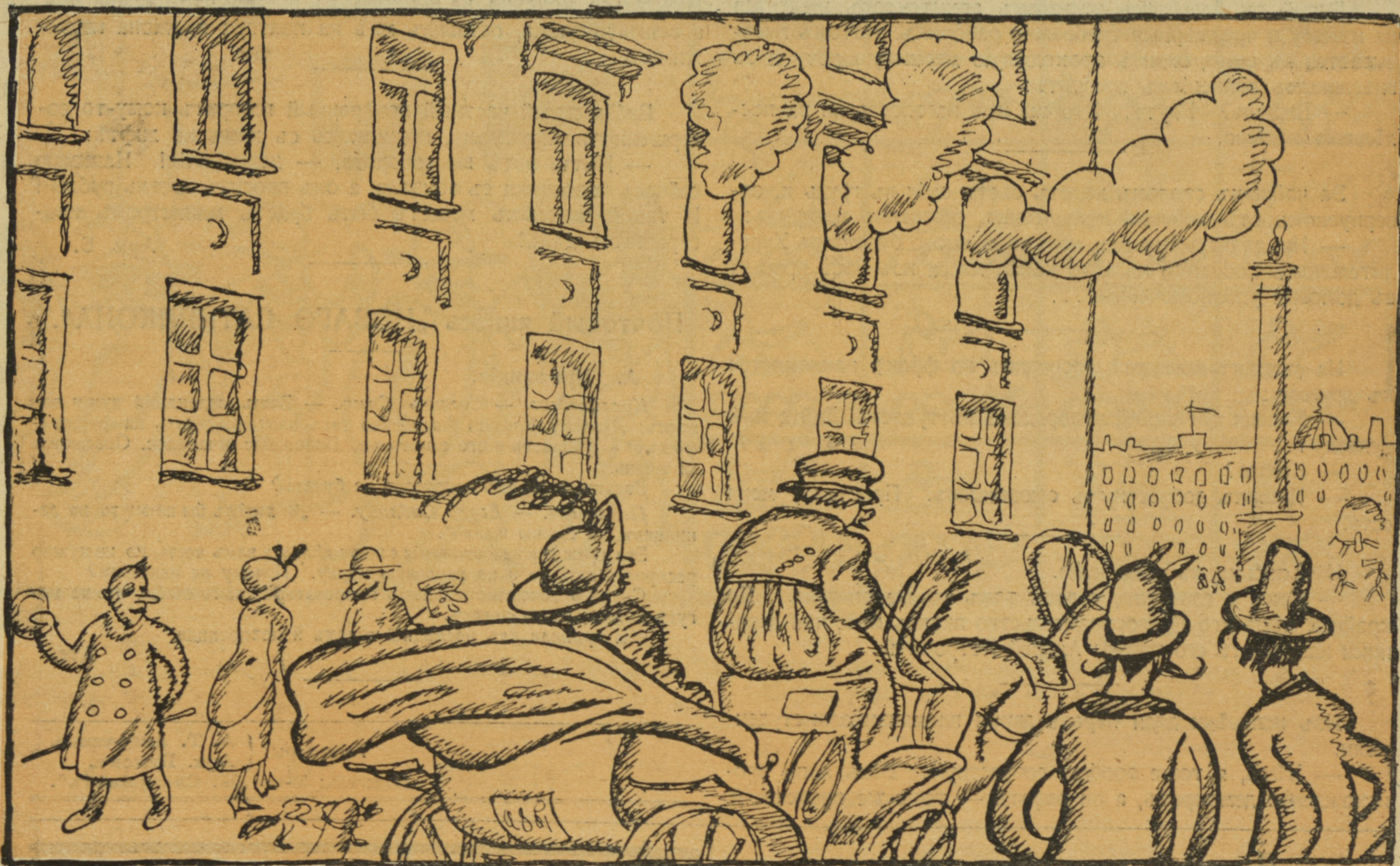
„Д. ФРИДБЕРГЪ“.

Перемѣна адреса:

Контора журнала „Новаго Сатирикона“ вѣзываетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

— Смотрите, какой дымъ изъ оконъ. Какъ пріятно, что въ кажды́хъ почти́ дѣмъ открыты фабрики, работающія на оборону!..

Увы... Это не фабрика была. Это — курили. И, конечно, говорили, говорили, говорили, говорили, говорили, говорили . . . . .